

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	5
Танец дня и ночи	5
Том 2.....	16
Глава 51.....	16
Южная столица.....	16
Глава 52.....	29
Противодействие	29
Глава 53.....	44
Жеро Герье.....	44
Глава 54.....	56
Повстанцы.....	56
Глава 55.....	69
Непримиримая вражда	69
Глава 56.....	81
Огонь против огня.....	81
Глава 57.....	92
Ответ.....	92
Глава 58.....	104
Сон о сожалении	104
Глава 59.....	127
Гирру Герье	127
Глава 60.....	139
Покидая Арценту	139
Глава 61.....	156
Новый соратник	156
Глава 62.....	173
Письмо	173
Глава 63.....	186
Давно не виделись	186

Глава 64.....	198
Поля смерти.....	198
Глава 65.....	213
Спасение	213
Глава 66.....	232
После долгого пути	232
Глава 67.....	245
Вересковые пустоши	245
Глава 68.....	261
Всадники смерти	261
Глава 69.....	275
Дай мне сил не испить.....	275
Глава 70.....	283
Возвращение во дворец.....	283
Глава 71.....	295
Сон о раскаянии	295
Глава 72.....	327
Сон об искуплении	327
Глава 73.....	347
Сердце дракона.....	347
Глава 74.....	359
Всё будет хорошо	359
Глава 75.....	376
Близость.....	376
Глава 76.....	381
Подготовка к празднику	381
Глава 77.....	394
Празднование победы	394
Глава 78.....	412
В тронном зале.....	412
Глава 79.....	418
Волчьи сказки.....	418
Глава 80.....	429
Пепельные поля.....	429
Глава 81.....	440
Случайное падение	440

Глава 82.....	452
Я не видела света в начале своего пути.....	452
Глава 83.....	474
Церемония согласия.....	474
Глава 84.....	482
Тёмный обряд.....	482
Глава 85.....	493
Посевная.....	493
Глава 86.....	508
День Инанны.....	508
Глава 87.....	527
Магия боли.....	527
Глава 88.....	539
Гости из прошлого.....	539
Том 2.....	552
Глава 89. Комета.....	552
Глава 90.....	565
Кровавый купол.....	565
Глава 91.....	575
Украденная жизнь.....	575
Эпилог.....	590
Забутые страхи в реальной плоти.....	590

Пролог

Танец дня и ночи

*Память — самое тяжкое бремя,
Что бывало на наших плечах.
Под накидкой твоей — звёзд система,
Её свет я храню в руках.*

*Долгожданный момент единения
Горькой правдой осел во рту:
Корабли потерпели крушение —
Не осталось живых на борту.*

Дребезжали металлические трубы. Бой барабанов, обтянутых кожей, задавал ритм. Свистели и гудели духовые, жалобно завывал многоголосый хор.

Амфитеатр ломился. Зрители хлопали в ладоши и гремели бубнами. Выстроившаяся по краям сцены стража била копьями в щиты. Сотни звуков сливались в какофонию, от которой дрожали барабанные перепонки.

Несколько танцовщиц в длинных туниках, расшитых золотом, плясали на сцене. Сходились и расходились, то встречаясь, то вновь расставаясь под воодушевлённые крики толпы.

Однако стоило глубокому и одновременно высокому звуку пильки¹ сорваться со струн, как на сцену выступил юноша. Толпа притихла, заворуженно воззрившись на него.

Одетый в одну лишь белоснежную накидку, перекинутую через шею и соединённую фибулой на плече, он остановился в центре, склонив голову. Танцовщицы закружили вокруг, завели хоровод, в такт безумной музыке поднимая руки к ночному небу и плавно опуская их вдоль тел. Их головы грациозно тянулись к центру, они шаг за шагом сужали круг, пока не заиграли флейты.

Факелы мерцали на сцене, освещённой огнями и светом звёзд. Невыносимо сладко благоухали раскинувшиеся вокруг амфитеатра кусты жасмина. Пьянящий запах молодого вина сплетался с ароматом цветов.

Юноша, чьи плечи были надёжно укрыты длинными белоснежными волосами, начал танцевать. В сравнении с нежными взмахами женских рук его движения были грубы, но точны: они напоминали сражение с невидимым зверем. Необыкновенно быстро и ловко он переставлял ноги, его босые стопы скользили по сцене в узком кругу танцовщиц; грациозно склоняясь к земле, он, как змея, замелькал под бесконечно поднимающимися и опадающими руками, которые теперь стали подобны прутьям темницы. Как вода через пальцы, он ускользал, танцуя меж них, пока не выбрался к краю сцены.

Раздалась барабанная дробь. Двигаясь всем телом, плечами и бёдрами, стоя спиной к зрителям, он наклонялся назад до тех пор, пока зрители не разглядели его лицо и выгнутое тело. И только тогда они заметили белую маску на его лице с эмблемой дневной звезды, вышитой золотом.

Его руки сплетались над грудью, изгибаясь в воздухе. Танцовщицы разошлись по краям сцены, а затем из-за занавеса

¹ Пилька — музыкальный народный инструмент в Скидане. Звукоизвлечение происходит благодаря туго натянутым на колышки четырем струнам. В основании грифа имеется шар диаметром десять-пятнадцать сантиметров, на котором расположены десять отверстий. Менять характер звучания можно затыкая данные отверстия пальцами. Часто используются затычки, чтобы на протяжении всей песни большее количество отверстий было закрыто.

вышел ещё один мужчина. Его волосы были черны, как и его накидка, а на тёмной маске поблёскивал полумесяц ночной звезды. Однако он не танцевал — под радостные крики и вопли зрителей он обнажил меч, направив его на танцора.

Юноша в белом выпрямился, уловив усилившийся бой барабанов. Разворотом он склонился к краю сцены, пальцами ноги подбросив лежавший там меч в воздух. Поднявшись, он поймал его, чтобы начать бой.

Сражение Дня и Ночи — бой первых духов. Разыгрываемая религиозная сцена была до того реалистичной, что на трибунах кто-то то и дело ахал и вскрикивал от восторга. Меч ночного танцора не плавно опускался, а рубил, намереваясь пронзить соперника. Однако дневной танцор продолжал выплясывать вокруг своего врага, парируя все его удары выпадами, а затем медленно и плавно уходил вбок, заставляя его крутиться на месте. Противник рассвирепел и бросился на юношу в белом, но тот снова уклонился. Под хохот толпы ночной танцор чуть не врезался лбом в одну из колонн сцены.

Темп музыки ускорился, танцовщицы вновь сплелись в завораживающем танце у занавеса. Когда ночной танцор вновь бросился на противника, взметнув свой меч, его горло перерезали. Алая кровь брызнула на сцену, испачкав пол и белоснежные одеяния дневного танцора. Герой же, олицетворявший Ночь, упал замертво на глазах у нескольких тысяч зрителей.

Толпа заревела. Вскакивая с мест, каждый кричал и воздавал хвалу и молитву герою, игравшему День. Однако сам танцор, наблюдая за расплывшейся на сцене лужей крови, выругался на чужом языке, швырнул свой окровавленный меч наземь, а затем быстрым шагом покинул сцену.

Редчайшие цветы — лилии, астры, гвоздики, нарциссы и гиацинты — полетели на сцену, в спину удалявшемуся танцору. Музыканты на секунду прервались, но затем продолжили играть с большим энтузиазом. А что им оставалось, если танцор покинул сцену?

На секунду растерялись и танцовщицы, но затем змейками закружили по сцене, перепрыгивая через растянувшийся на сцене труп и лужу крови.

Праздник продолжался. Но не для всех.

За занавесом была небольшая площадка. Там танцор сбросил маску дневной звезды, а затем направился к одному из ходов, уходящему с закулисья под землю. Через несколько минут он услышал поспешные шаги за спиной. Ещё один юноша бежал за ним и звал:

— Господин! Господин! Молодой господин!

Танцор развернулся. Нахмурившись, он молча уставился на подоспевшего мальчишку.

— Молодой господин... — в который раз обратился он, а затем, сглотнув, продолжил: — Как вы?

— А как я должен себя чувствовать? — взметнув бровь, очень медленно проговорил танцор, чувствуя, как заплетается язык. Понимая, что теряет контроль над собой, он поспешно развернулся и направился дальше, прочь от амфитеатра, всё глубже погружаясь под землю.

— Вам... подать трубку? — неуверенно пробормотал юноша, стараясь не отставать от своего господина. Он на ходу сунул руку в суму, надеясь выудить из неё всё необходимое.

— Да.

Прежде чем покинуть амфитеатр, танцор ударил кулаком по облицовке. Мрамор разошёлся длинными трещинами, а затем и вовсе посыпался крошкой на землю. Арка задрожала. Танцор продолжил путь, но не в город, а, минуя взволнованных зрителей, углубился в сад.

Ступая босыми ногами не по камню, а по траве, он пытался найти в себе силы, чтобы пережить это. Сегодня он... перерезал глотку своему спасителю.

Когда молодой господин наконец остановился, они находились глубоко в саду. Кипарисы и тополя окружили их, а красиво стриженные кусты жасмина и лавра спрятали от чужих глаз. Мраморные фигуры могучих воинов в звёзд-

ном свете не вдохновляли, а пугали мертвенной белизной и застывшими глазами.

Молодой господин медленно сполз на землю и прислонился к кусту. Ароматные цветы оплели его голову, а он уставился в небо, усеянное мириадами звёзд.

Его подопечный поспешил сесть рядом и набить трубку, а затем пальцами стал греть табак. Передав дымящую трубку в подрагивающие руки господина, он проговорил:

— Вы... ни в чём не виноваты. Его всё равно ждала смерть за расправу над принцем Кроу. Пускай сонийская знать превратила это в развлечение для зевак, но так он меньше мучился и с лёгкостью покинул нас.

— О́аннес, я убил того, кто спас меня, — не выпуская металлического кончика трубки изо рта, напомнил молодой господин.

— У вас не было выбора. Вам его не оставили.

— Это пляска на костях. Это...

— Дикость и мерзость. Вы уже говорили. Но вы ничего не можете сделать с традициями сонийцев. На этом празднике героем, играющим Ночь, является приговорённый к смертной казни. По их обычаям это считается милостью со стороны господ...

— С каких пор смерть может считаться милостью?!

— Господин Нуска... я не это имел в виду.

— Я не хочу жить в этих обычаях. Мне мерзко. Я больше не могу.

Нуска прикрыл рукой лицо, растирая веки. Едкий дым обжигал глаза, приближая его срыв. Табак уже давно плохо успокаивал господина, и О́анн об этом прекрасно знал. Всё, что оставалось подопечному Нуски, — это отсесть подальше и наблюдать.

Сначала Нуска подскочил к одной из статуй и, используя дэ, отломал одну из мраморных рук, а затем этой же рукой... стал крушить другие статуи.

Камень бился о камень. Отколов одну конечность статуи, он брался за другую, продолжая ломать. Мраморная крошка стояла в воздухе взвесью. Светлая энергия вспышками

освещала тихий ночной сад. В любой момент могла подоспеть стража и увести молодого полуголового господина, который решил уничтожить королевскую собственность. Однако Оанн поднялся с места лишь для того, чтобы подобрать дымящуюся трубку с травы и потушить её пальцами левой руки. Со вздохом он снова опустился на колени и продолжил вслушиваться. Если подоспеет стража, им надо будет как можно скорее убраться.

Однако Нуску это явно не беспокоило. Он уже забрался в фонтан с одной из отломанных у статуй ног. Размахивая ею, как мечом, он пытался расколотить статую на верхушке пятирусного фонтана. Возможно, это было бы не так страшно, если бы статуя вдруг... не шевельнулась.

Словно тень отделилась от статуи обнажённого воина, взметнувшего над головой копьё. А затем молодой господин свалился прямо в каменную чашу, а сверху на него рухнул... мужчина в чёрной накидке и маске с полумесяцем.

Он тут же поднялся. Выбравшись из фонтана, мужчина отвернулся, сбросил одну маску и заменил её на другую — на маску страшного рогатого чудища. А затем подал руку ошарашенному Нуске, растянувшемуся в воде.

— Я снова напугал вас. Прошу прощения.

Оанн вскочил на ноги. Нет, только не это! Что этот человек творит?! Как он сюда попал?! Уже неважно! Выжил и выжил! Но зачем он показался молодому господину именно сейчас, когда тот в таком состоянии?! Неужели хочет умереть ещё разок?! Оанн уже бросился на выручку, но не успел.

Нуска протянул руку, взявшись за ладонь странного незнакомца. А затем, вместо того чтобы выбраться из воды, со злобным животным рычанием повалил в фонтан и его.

В ход шло всё: кулаки, ноги, даже конечность несчастной статуи, однако незнакомец терпеливо сносил удары. Тогда Нуска принялся просто душить его под водой, выкрикивая:

— Я, th'are, уже прикончил тебя! А раз так, то сдохни!

Несмотря на все старания Нуски во второй раз убить своего спасителя, они не увенчались успехом. Поэтому вскоре

молодой господин выбрался из фонтана и прислонил руку к груди, явно намереваясь обнажить оружие дэ.

Оанн слотнул. Не то чтобы его сильно волновали возможные разрушения или труп этого незнакомца, но Нуске ни при каких обстоятельствах нельзя было показывать своё оружие. Поэтому Оанн всё же подскочил к своему господину, мягко взявшись за его руки и мешая это сделать.

— Господин, пожалуйста, опомнитесь! Как бы он вас ни злил, но этого делать нельзя!

Тогда прилетело уже и Оанну — он покатился наземь с разбитым носом. Встать снова он не решился, поэтому продолжил круглыми от страха глазами наблюдать за перепалкой двух героев, всего час назад игравших на сцене амфитеатра День и Ночь.

Один всё ещё был в белом, второй — в чёрном, их заворачивающая схватка продолжалась.

Несмотря на это, кажется, ночной танцор решил не придерживаться сценария. Он медленно выбрался из фонтана, кругом обошёл готового к битве Нуску, а затем сказал:

— Успокойтесь. Я жив, вы не могли меня убить. Этот кошмар закончился.

— Нет. Я уже убил тебя. То, что ты не умер, не делает мне никакой чести, — злобно бросил Нуска в ответ. Его руки напрыгались, но он пока не спешил ввязываться в драку снова.

— И всё же мы разыграли отличное представление. Народ доволен, судьи тоже. И мы оба живы. Чем вы недовольны?

— Собой, — огрызнулся Нуска и отвёл взгляд, а его руки медленно опустили. Несмотря на колкий ответ, он решил не продолжать, раз не встретил должного сопротивления.

Молодой человек в чёрной накидке и маске ещё раз обошёл Нуску по кругу, а затем опустился перед ним на колени. Взяв его руку в свои, он снова заговорил:

— Я могу вас забрать отсюда. Вам не придётся больше участвовать в этих играх, больше похожих на побоища.

— Я не просил о помощи.

— Вам не придётся больше терпеть рабское положение.

— Я не говорил, что меня это не устраивает.

— Вы сможете вернуться домой.

Нуска зажмурился. Яркая вспышка вырвалась из его тела, а человек в чёрном отлетел в кусты. Тогда молодой господин распахнул глаза, подошёл к незнакомцу ближе и, склонившись над ним, спросил:

— Как, ты говорил, тебя зовут?

— Риннэ.

— Риннэ, я здесь по своей воле. Я хочу остаться здесь, и здесь моё место. Даже если мне не нравятся местные обычаи, даже если я не выношу эти кровавые представления, я не могу уйти. Уже несколько лет я — раб, у меня не может быть своих желаний и воли.

— Но они есть.

Нуска нахмурился. Подняв ногу, он наступил на грудь развалившегося перед ним Риннэ.

— Тогда, может, ты войдёшь прямо во двор короля и скажешь ему об этом? Сообщишь во время праздничного пира, что у рабов, оказывается, есть воля?

Удивительно, но Риннэ улыбнулся. Его глаза блеснули, а он, даже лёжа придавленный к земле, вновь протянул Нуске руку.

— Если вы хотите, я так и поступлю. Пойдём сейчас или на рассвете?

Нуска расхохотался. Бросив Риннэ валяться под кустом, он стал вышагивать вокруг фонтана, размахивая руками.

Возможно, эта странная сцена продолжалась бы и дальше, но острый слух Оанна уловил тяжёлую поступь.

— Господин! Господин! Сюда идёт стража!

Нуска ещё несколько раз грязно выругался и сощурился. Как бы он был рад разделаться с этим бессмертным трупом прямо здесь! С тех пор как он появился, на голову Нуски сыпались одни беды. Если бы не Риннэ, ему бы не пришлось участвовать в этом празднике, наряжаться в эти постыдные одежды и кого-то убивать! Почему этот навязчивый незнакомец не может просто взять и исчезнуть, как плохой сон?!

Однако Риннэ думал иначе. Схватив Нуску за руку, он снова поволок его неизвестно куда. Какое-то время они бежали через сад, а затем, перепрыгнув через живую изгородь, помчались по аллее. Стройные кипарисы слева и справа походили на решётку. Даже приятный запах хвои, ударивший в ноздри, не смог перебить это ощущение. Нуска оттолкнул Риннэ, пролез между податливых кипарисовых веток и, смахнув с головы пару шишек, побежал к улицам.

Нагнать Нуску этот странный мужчина смог только за пределами города. Запыхавшийся молодой господин склонился над землёй, хватая ртом воздух. Пот лился с него ручьём, а ноги дрожали от усталости. Однако Риннэ хоть и не настаивал на своей компании, но и не спешил уходить.

Они застыли друг напротив друга. Каменистая почва и сухая трава уходили вдаль, стелясь в звёздном свете длинной жёлтой тропой. В округе не было ни деревца, ни пещеры, ни единого места, где можно было бы укрыться от цепкого взгляда незнакомца.

Дождавшись, пока Нуска восстановит дыхание, он вновь заговорил:

— Почему вы так не хотите возвращаться?

Нуска выпрямился. Наученный у местных ораторов, он медленно и спокойно ответил:

— Есть сотни причин покинуть это место, но есть тысячи причин не возвращаться домой.

— Кто хочет — ищет способ, кто не хочет — ищет оправдание, — парировал Риннэ.

— Существует только один путь к счастью — перестать беспокоиться о вещах, которые не подвластны нашей воле¹, — ответил Нуска.

— Что заставляет вас думать, что всё происходящее не подвластно вашей воле?

¹ В прологе используются в том или ином виде высказывания известных греческих и римских философов, ученых и политических деятелей.

Нуска вздохнул. Он бы с радостью и дальше просто перекидывался избитыми сентенциями, а не думал о том, какие душевные терзания вынуждают его это говорить. Однако, как он догадывался, Риннэ не был человеком. А значит, ему можно сказать немного больше.

Вскинув голову, Нуска свистнул. Чёрный ворон, сверкнув синими глазами, тут же опустился ему на плечо. Только тогда молодой господин произнёс:

— Удовольствие и спокойствие — это благо, но не когда оно вызывает раскаяние, — снова процитировал Нуска и опустил взгляд к своим ободранным ногам. Его ступни, привыкшие за последние годы к мягкой обуви, резала даже сухая трава.

— Что заставляет вас раскаиваться?

Риннэ медленно подошёл ближе. К удивлению Нуски, ворон тут же перепрыгнул на плечи этого создания. Птица начала тереться о него головой, жмурясь, как котёнок.

— Всё то, что было там, — буркнул Нуска, а затем отвернулся от собеседника и устоялся на северо-запад.

Теперь они стояли вдвоём посреди каменистой пустоши и наблюдали за россыпью звёзд над морской гладью. Небо сливалось с водой, отражая мерцающие огни светил, а волны несли их к берегу. Казалось, выйди на берег да подбери пару выброшенных на песок звёзд. Но Нуска не двигался с места, его одолевали сомнения. Он снова перевёл взгляд на Риннэ и спросил:

— Кто ты?

— Риннэ.

— Ты не человек.

— Верно.

— Кто управляет тобой?

— С чего вы решили, что всеми кто-то управляет? Я хоть и не человек, но у меня есть своя воля. Можете ли вы похвататься тем же?

Нуска нахмурился и отвернулся, продолжив наблюдать за волнами, накатывающими на берег.

— Может быть, это и есть мой выбор — быть запертым в клетке и не иметь своей воли вовсе.

— Местные ораторы плохо на вас влияют.

— Верно. Я несу полную чушь. Не может быть воли в том, чтобы лишиться её. Я согласен с тобой. Но что ты можешь мне предложить?

— Бегство.

— Я уже бежал однажды, но из свободного бедняка превратился в раба.

— Я могу предложить вам большее. Не только свободу, но и уверенность в завтрашнем дне. Если вы столкнётесь с тем, чего боитесь, то сможете понять, от чего бежали. Сейчас же вы прячетесь, не зная зачем, и страдаете, не понимая причины.

Нуска покачал головой. Он не знал почему, но общество этого странного существа было ему приятнее общества лютого сонийца. Возможно, потому, что уже некоторое время они беседовали на скиданском, а Нуска даже не заметил, когда перешёл на родной язык.

Но Риннэ, видимо, не хотел молча стоять и ждать наступления утра. Он обошёл Нуску, скрыв от него вид на море за своей страшной маской. Затем он медленно снял её, а Нуске открылась уже знакомая картина: страшные шрамы и бледный слепой глаз.

— Скидан нуждается в вас, а вы нуждаетесь в Скидане. Вы можете избавиться от собственных кошмаров и спасти от кошмара всю страну.

Нуска знал, что он скажет дальше. Поэтому заткнул уши руками, но шёпот обжёг его пальцы, а слова — сердце:

— Вы должны вернуться домой.

